

будет только усиливать выразительность стиха. «О» не будет ничего значить само по себе, но, многократно повторяясь, усилит значения соседствующих слов и придаст строке большую целостность. Важно понимать, что речь идет именно о поэтической функции языка. Воспринимая стихи или художественную прозу, мы обычно хотим увидеть как можно больше смыслов, в идеале – придать значение всем деталям, а текст, в свою очередь, стремится быть наиболее выразительным. Но в обыденной речи мы редко обращаем внимание на повторение в чьей-нибудь речи одних и тех же звуков. В общении на первый план выходит значение слов, смысл высказывания.

Выше мы писали, что испытуемому предлагается оценить звук, как будто у него, как и у слова, есть объект, который он обозначает. Несмотря на то, что большинство носителей русского языка могут приписывать звукам признаковые аспекты, возникает несколько замечаний. Одно, не самое важное – в такой шкале мы приписываем определенные признаки, но при этом не можем утверждать, что она учитывает весь спектр признаков. Другое же возражение заключается в том, что если взять любой набор признаков, то легко заметить, что к нему подходит довольно много слов с разной звуковой оболочкой. Например, с легким, округлым, светлым и белым может ассоциироваться не только облако, но и снег, молоко или даже подушка. Это значит, что мы не можем найти точное слово, задавая координаты его фонетической оболочки. Требуя, чтобы оно по звучанию было большим, темным, тяжелым, мы в итоге получаем очень большой список слов, и тут не хватает 25 шкал Осгуда. Получается, что теория не работает в обратную сторону.

Приведем аналогию. Известно, что параллельные прямые не пересекаются. Если мы видим, что прямые пересекаются, мы заключаем, что они не параллельные. В фоносемантике подобный вывод невозможен. Если в этой теории «облако» – легкое, округлое и светлое, то легким, округлым и светлым должно быть только «облако». Между тем, это не так. Выход из подобной проблемы – как можно более подробно описывать фонетическую оболочку каждого слова. Но при таком описании на него будет влиять значение самого слова. В таком случае, подробнее надо исследовать значение звука. Проблема же все равно остается: когда звуки соединяются в осмысленное слово, их значение сразу же перекрывается семантикой этого слова! Сказанное позволяет нам усомниться в результатах Журавлева при исследовании корпуса лексики русского языка.

Во-вторых, сами полюса шкалы уже определяют ответ, помещая объект исследования в контекст, в котором он обычно не находится. Действительно, человеку не свойственно рассуждать, является ли, например, звук [п] – мужественным, а [ф] – маленьким. Иными словами, сам факт измерения влияет на результаты исследования. Здесь можно вспомнить так называемый «Хоторнский эффект»: группа социологов измеряла факторы, влияющие на производительность труда на заводе. При изучении вопроса они обнаружили, что сам факт их присутствия влиял на производительность, повышая ее¹⁷. Таким образом, можно сказать, что звуки имеют свой собственный, неотъемлемый смысл только в ситуации измерения этого смысла. Когда же смысл звука не измеряется – его попросту нет. Это в корне отличается от положения слов в языке – их смысл существует и вне его измерения.

У теории фоносемантики, таким образом, обнаруживается важнейший изъян – отсутствие объяснительной силы. С помощью этой тео-

рии объяснить ничего нельзя, она не выходит за рамки самого эксперимента. Данные, полученные в ситуации измерения, сохраняют актуальность только в экспериментальных условиях и не переносятся в другие плоскости языка. При таком положении дел существует два выхода: либо признать ошибочность теории, либо проводить дальнейшие исследования ■

Леонид Николаенко Теория относительности истории

«Человек задуман
сомневающимся
в себе, но не
в истине – это
извращение».
Г.К. Честертон

Леонид Николаенко,
студент факультета истории,
политологии и права РГГУ.

Теорию относительности можно считать символом XX века, революции которого, как политические, так и ментальные, разрушили сформировавшиеся за века устои во всех областях жизни человека. Достаточно сказать, что само отношение к «собственному мнению» изменилось коренным образом – люди перестали верить кому-либо, даже самим себе, и, высказывая свои мысли, стали к каждому слову добавлять «я так думаю», как бы оправдываясь и подчеркивая субъективность прозвучавшего положения. Изменился статус привычных авторитетов – мыслителей древности... Признанные научные истины стали казаться если и не неверными, то, по меньшей мере, спорными. А судьбу тех или иных наук порой начинали определять политические идеологии, чему примером может служить недавнее прошлое нашей страны.

Историческая наука в XX веке не избежала общей участи: столетие началось со споров о самой необходимости этой науки, которая, претендуя, как и всякая другая, на вычленение закономерностей, не смогла предсказать и предотвратить коллапса, как тогда небезосновательно казалось, европейской культуры. Первая мировая война ударила не только по экономике Европы, но и по ее духу – разрушена была доминировавшая идея «прогресса», предполагавшая развитие от «худшего» к «лучшему». Назвать «лучшим» Первую мировую язык не поворачивался ни у кого. Этот перелом в сознании привел к переосмыслению самой сути исторической науки. Ученые отказались от идеи объективности истории – человек не может познать реальность прошлого, поскольку он может его воспринять лишь в меру своего понимания. Английский философ и историк Робин Коллингвуд писал, что, изучая, предположим, Средне-

вековье, мы на самом деле занимаемся изучением того, насколько оно еще живо в нас самих. Столь же относительным был признан и казавшийся доселе неизменным краеугольный камень исторической науки – «источник», основа работы любого исследователя. Во-первых, любой текст или предмет становится историческим источником, только когда он попадает в руки к исследователю и тот начинает задавать ему вопросы. Причем вопросы эти могут быть самыми разнообразными, не обязательно связанными с прямым предназначением этого предмета или текста. Во-вторых, любой источник – тоже творение рук человеческих, он передает события сквозь призму сознания своего создателя. Таким образом, реальность прошлого сначала искажается сознанием современника, затем – позднейшего исследователя.

Из вышесказанного вытекает, что «исторический факт» – венец работы историка – не может считаться определенным раз и навсегда. Теперь он должен восприниматься как некая «интеллектуальная модель». То же касается и крупных периодов истории. Современной наукой построения историка воспринимаются не столько как «реконструкции» прошлого, сколько как его собственные «конструкции». У нас больше нет оснований полагать, что мы можем узнать что-либо о прошлом доподлинно: все же перед нами лишь «модель».

Естественно, такое отношение к истории не могло не вызвать сомнений в самой ее необходимости как науки. Нужно ли изучать то, что заведомо непознаваемо? И как все же сделать его более познаваемым? Ответ был вскоре найден: раз философы и теоретики науки ставят вопрос об образе мыслей человека прошлого, то именно эта тема должна быть подвергнута внимательному рассмотрению. Этим

17
Беликов В.И., Крысин
Л.П.. Социоллингвистика.
М.: 2001. С. 280.

объясняется развитие целого комплекса направлений исторической науки, получивших общее название «историческая антропология». Поставив в центр исследования рядового человека прошлого, ученые стараются детально восстановить его менталитет, повседневные обязанности и заботы, представления об окружающем мире. Новая цель потребовала от исследователей большей широты кругозора: нельзя понять менталитет человека, пользуясь лишь официальными документами, связанными в основном с политикой. Поэтому в качестве источников историками стали использоваться самые разнообразные тексты (мемуары, письма, протоколы судов и допросов, художественная и духовная литература и т.д.), археологические находки, фольклор – все, что может дать нам любые сведения о человеке прошлого, может служить источником для научной работы, если исследователю удастся правильно поставить вопрос. Между тем и на давно использовавшиеся источники пришлось взглянуть с новой стороны: выяснилось, что и в исторических сочинениях, и в официальных документах нет-нет, да и найдутся сведения о религиозных, этических, правовых представлениях прошлого. Истории пришлось работать в тесном сотрудничестве с другими науками, изучающими человека и его деятельность, в первую очередь, с социологией и психологией.

Внезапное расширение круга источников сделало особенно актуальной старую проблему: как выбрать источники для исследования? Ведь именно то, на основе чего мы проблему изучаем, во многом определяет наши выводы. Историки всегда прекрасно понимали, что их источники не полны. На то есть несколько причин. Во-первых, охватить все источники всех видов по более или менее широкой теме возможно лишь занимаясь историей ранней древности, от которой до нас дошло совсем немного. По мере распространения письменности, переписывания и, наконец, книгопечатания источников становится так много, что обработать их за одну человеческую жизнь невозможно. Во-вторых, то, что сохранилось и дошло до нас, это не просто неполный, а весьма скудный процент созданного в прошлом. Притом мы не можем быть уверены, что не утрачены самые важные источники. Конечно, суд веков свидетельствует о многом, но вместе с тем нет никакой гарантии, что тексты, которые могли бы рассказать нам гораздо больше, не утеряны. Зачастую мы даже можем быть уверены в обратном.

Вероятно, в частности этой проблемой была вызвана концепция знаменитого немецкого философа Карла Поппера. Критикуя принцип «верификации», он выдвинул принцип «фальсифицируемости»: с его точки зрения, научной может быть толь-

ко та теория, которую возможно, хотя бы в принципе, опровергнуть эмпирически. То есть утверждение «Атлантида не существовала» – научно, ибо мы можем опровергнуть его, найдя Атлантиду. А утверждение «Атлантида существовала» не научно, поскольку мы можем никогда не найти ее, или ее следов могло не остаться, а следовательно, мы не сможем доказать обратного тезиса. Этот принцип позволил доказать ненаучность некоторых глобальных исторических концепций, которые слишком легко поддавались корректировке. К примеру, марксистская концепция не могла быть опровергнута, поскольку предполагала любое количество отклонений и исключений, которые воспринимались как временные или несущественные.

«Новая историческая наука», возникшая в результате всех описанных выше изменений, предполагала, что теперь, когда исследователями будут охвачены все стороны человеческой жизни, историки смогут сделать невиданные доселе обобщения – станет возможным дать исчерпывающую характеристику целым периодам и эпохам. Многие исследователи, наиболее ярким из которых можно, наверное, назвать Фернана Броделя, стремились отказаться от привычных хронологических и географических рамок и строить исследование на принципиально иных, более глобальных принципах.

Однако общее развитие исторической науки шло скорее в обратном направлении. В связи с необходимостью охватить весь спектр источников и из-за страха превратить чересчур сильными обобщениями и так уже шаткое историческое знание в ненаучные выдумки, большинство историков ушли в чрезвычайно узкие специализации. Итогом работы ученых зачастую становились сугубо специальные монографии, интересные и доступные лишь специалистам по конкретному периоду или даже только по той узкой теме, которой они были посвящены. Существовавшая ранее прочная связь с обществом постепенно прервалась.

В принципе, отдаление от массового сознания нормально для науки. Немногие из нас знают, на каких физических принципах работает холодильник или телевизор, – нам достаточно того, что мы просто пользуемся этими приборами.

Очень немногие ученые-историки берутся сейчас за популяризацию истории: это считается непрестижным и даже неприличным. Но свято место пусто не бывает. Если за дело не берутся профессионалы, – возьмутся любители. В магазинах горы популярных книг, которые претендуют на «историчность», но редко можно найти одну-две, написанные профессиональными учеными. Отсутствие обобщающих, популярных, доступных рядовому читателю работ вызвало и появление так называемой

«фолк-истори» (иногда носящей названия «псевдоистория», «параистория», «анти-история» и пр.), основанной на принципиальном отказе от всех существующих авторитетов и предоставляющей полную свободу личным измышлениям автора. К сожалению, особенно буйным цветом это направление расцвело именно в нашей стране и на территориях бывших союзных республик. В первую очередь это вызвано тем переломом, который наступил после краха СССР, отменой всякой цензуры, принципиальным недоверием ко всем советским историкам, а также стремлением некоторых националистически настроенных групп найти себе оправдание в прошлом. Тем не менее и на Западе работы этого типа существуют; там их вежливо называют «неакадемической историей» (non-academic history).

Итак, важнейшим открытием исторической науки двадцатого столетия стал интерес к «человеку в прошлом». Многие историки, спроси их сейчас кто-нибудь, как именно делается историческая наука, не смогут сразу дать ответа на этот вопрос или вовсе сочтут его пустым. Но все они согласятся, что для работы необходимы грамотная работа с источником и знание изучаемого периода, то есть знакомство с образом мыслей того времени. Это внимание к «человеку», его миропониманию, целиком принадлежит теоретикам науки XX века.

Еще Люсьен Февр – один из создателей школы «Анналов» и наиболее влиятельных историков XX века – писал, что «человек в нашем понимании является средоточием всех присущих ему видов деятельности; историку позволительно с особым интересом относиться к одному из этих видов, скажем, к деятельности экономической. Но при единственном условии: нельзя забывать, что любой из этих видов всегда затрагивает целиком человека... Предмет наших исследований – не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является». К сожалению, об этом часто забывают. Как это заведено, новый подход, трактованный его создателями как один из путей познания, в глазах последователей становится единственным. Историческая антропология, безусловно, дает огромное поле для новых поисков, но попытка сделать

ее отдельной и главной исторической наукой обречена на провал: мысль – это тоже всего лишь один из видов человеческой деятельности. Нельзя исключить из истории ни экономической составляющей, ни социальной, ни политической; нельзя забыть и о «человеческом факторе», – о влиянии отдельных личностей на исторический процесс.

Работа исследователя в любой области прежде всего должна быть основана на здравом смысле. Главное отличие гуманитарных наук в том, что инструментом их была и остается логика; рассуждение – это и сила исследователя, и его слабость. Неверное положение, взятое за основу, ведет к неизбежной ошибке в выводах. Поэтому главная задача историка – дать читателю возможность проверить себя. Именно для этого современная наука разработала сложную и, на посторонний взгляд, ненужную систему ссылок. Ученый должен четко понимать, какой собственно вопрос он изучает, а также, что он оставляет «за скобками», помнить, что в центре его внимания лишь один из множества аспектов.

Многие последователи и создатели псевдоистории настаивают на том, что историческая наука – плод мирового заговора, создающего историю в пользу сильных мира сего, и обвиняют историков в слепом следовании пустым авторитетам, забывая, что ученый обязан изложить мысли предшественников, но всегда обосновывает свое к ним отношение. И здесь он снова возвращается к фактам и логике.

В качестве постскриптума следует добавить: помня об относительности исторического знания, о том, насколько оно субъективно, нельзя забывать, что прошлое все же действительно было, и кое-что о нем мы все же знаем. Изучать его можно и нужно (почему – тема для отдельного разговора): даже если мы не сможем установить истину доподлинно, то приблизиться мы к ней можем достаточно близко. В любом случае, благодаря широкому кругу источников историки могут видеть многие тенденции прошлого более четко, нежели их видели современники: мы знаем, к чему события привели в итоге, а они этого знать не могли. История не может дать ответа на вопрос, что будет дальше – каждое событие уникально, и слишком много факторов влияет на него. Ученый не знает, произойдет ли авария, но сказать, что этот участок дороги опасный – вполне в его силах ■